

Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах
(к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости)

А.И. Ногманов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья приурочена к знаковому событию в истории государственно-исламских отношений в России – 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости. Автор раскрывает предпосылки выхода данного законодательного акта, хронологию предшествующих ему правовых решений. Показана роль Екатерины II в формировании политики религиозной толерантности, которая затрагивала все вероисповедания, распространенные на территории Российской империи. Особое внимание уделено переменам в жизни поволжских татар, произошедшим вследствие приобретения исламом статуса терпимой религии.

Ключевые слова: Екатерина II, ислам, мусульмане, российское законодательство, указ 1773 г. о веротерпимости, Поволжье, татары

Для цитирования: Ногманов А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.35–48. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.35-48>

В июне 2023 г. исполнилось 250 лет с момента издания указа Св. Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий...»¹. По названию документа с ним часто связывают официальное признание ислама «терпимой» религией [18, с.83; 3, с.19; 4, с.107; 5, с.3], хотя это не вполне соответствует действительности. При всей значимости указ был лишь одним из законодательных актов екатерининской эпохи, юридически оформивших начало нового этапа в государственно-исламских отношениях.

На протяжении столетий наличие значительной мусульманской общины являлось проблемой для русской правящей элиты. Ориентированная на православие, она считала ислам чуждым, инородным явлением. Негативные последствия идеологического неприятия в большей мере, чем другие мусульмане, испытали на себе поволжские татары, являвшиеся этническим лицом российского ислама до последней четверти XVIII в.

С 1550-х гг. государство побуждало их к принятию православия посредством конфискации земель и крепостных людей у помещиков-мусульман, разрушения мечетей, наложения на последователей ислама дополнительных налогов и повинностей, другими административно-фискальными мерами. Принад-

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. (ПСЗ-I). Т.19. №13996.

лежность к мусульманской конфессии негативно сказывалась на свободе передвижения татар, их экономической деятельности. Пик давления на мусульман пришелся на 40–50-е гг. XVIII в., когда в Среднем и Нижнем Поволжье, а также в Сибири, прокатилась наиболее жесткая в истории кампания христианизации. В эти годы на поволжских татар, упорнее других этносов, сопротивлявшихся православным миссионерам, обрушилась вся мощь государственной машины. Ответом мусульман на религиозные притеснения стало восстание 1755–1756 гг. в Приуралье под предводительством муллы Батырши. По свидетельству Н.А. Фирсова, оно имело «все признаки борьбы за веру Магомета» и грозило перекинуться на татарское население Поволжья [17, с.209]. Опасаясь этого, императрица Елизавета Петровна пошла на сворачивание миссионерской деятельности, смягчила ряд законов, ущемлявших права мусульман.

В истории государственно-исламских отношений в России периоды давления на ислам чередовались с «оттепелями», поэтому указанные меры могли оказаться временным отступлением. Однако восшествие на престол Екатерины II (1762–1796) в корне изменило ситуацию². При ней ислам из гонимого вероучения превращается в терпимую конфессию. Немалую роль в этой своеобразной религиозной «революции» сыграли законодательные решения, обзору которых посвящена настоящая статья.

Первым по хронологии среди этих правовых актов стоит сенатский указ от 6 апреля 1764 г.³ об упразднении Конторы новокрещенских дел (Новокрещенской конторы)⁴ – учреждения, с начала 1730-х гг. осуществлявшего христианизацию мусульман и язычников Поволжья. Указ отменил материальное вознаграждение за принятие православия, упразднил платежи, поставку рекрутов, выплату недоимок за новокрещенных. Последних из ведения конторы передали светским властям, обязав их по истечении трехлетнего льготного срока исполнять подати и повинности наравне с другими государственными крестьянами. Эта мера смягчила исламско-православное противостояние в регионе [4, с.105], обозначила отказ правительства от политики, проводимой предшественниками Екатерины II.

В основе столь радикальных перемен лежал комплекс причин, среди которых забота о безопасности существующего строя переплеталась с экономическими и личностными факторами. К 1760-м гг. явно обозначилась неэффективность миссионерской деятельности в отношении поволжских татар. Н.А. Фирсов указывал, что «ни убеждения миссионеров, ни льготы, даруемые правительством за переход к христианству, ни то обстоятельство, что им приходилось разоряться от платежа за новокрещенных податей, ни уничтожение их мечетей не действовали на них; огромнейшее их большинство оставалось твердыми вере отцов и дедов...» [17, с.182]. Дальнейшее давление на татарское население грозило усугубить его тяжелое материальное положение, усилить и без того растущие антиправительственные настроения. По

² Манифест о вступлении на престол Екатерины II состоялся 28 июня 1762 г. (ПСЗ-И. Т.16. №11582).

³ ПСЗ-И. Т.16. №12126.

⁴ Подробнее о деятельности Новокрещенской конторы см.: [9].

этой причине одним из первых нововведений Екатерины II стало исключение из религиозной политики фактора экономического принуждения – ключевого в кампании 1740–1750-х гг.

Появлению указа 1764 г. также способствовало изменение общей религиозной ситуации в Поволжье. К тому времени большинство языческого населения края приняло православие, и власть не видела необходимости в сохранении для новокрещеных прежних привилегий. Льготы, предоставленные представителям данной социальной прослойки, вызывали недовольство как татар-мусульман, так и русских, не имевших подобных послаблений. Кроме того, отмена привилегий была выгодна казне, заинтересованной в дополнительных налоговых поступлениях.

Главной же причиной смягчения религиозной политики следует считать личную позицию Екатерины II относительно свободы совести и места разных конфессий в государстве. Она была выражена еще до вступления на российский престол: «... Уважать религию, но ни за что не допускать ее в дела государственные» [16, с.191]. Упоминания о Боге и Божественном провидении неизменно присутствовали в официальных обращениях и документах Екатерины, а почетные обязанности православной государыни она исполняла с величайшей пунктуальностью. Вместе с тем глубинные течения религиозной жизни не затрагивали ее души, а мистицизм казался ей мракобесием и чепухой. В подобном отношении к религии, безусловно, сказалось немецкое происхождение императрицы⁵. Ей был чужд духовный антагонизм в отношении мусульман, свойственный русской элите. Екатерина не считала допустимым ни насильственное обращение, ни преследование религиозных меньшинств. Достаточно было, чтобы подданные верили в какого-нибудь бога и выполняли обряды, положенные их вероисповеданию.

В религии Екатерина II видела важный фактор сохранения порядка в государстве, поддержания общественной и личной нравственности. Для нее, как и ранее для Петра I, православная церковь была орудием управления страной [10, с.362], и императрица немало сделала для ее превращения в придаток государственной машины. Ярким подтверждением тому является именным указ от 26 февраля 1764 г. «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян по 150 копеек с души»⁶, к которому прилагался манифест о передаче архиерейских крестьян в ведение Коллегии экономии⁷. Эти законодательные акты упразднили монастырское землевладение в России, подорвав тем самым экономическое могущество и влияние церкви. Монастыри и архиерейские дома лишились 8,5 млн десятин земли, а также около 2 млн крестьян, отписанных в казну. В процессе церковной реформы было ликвидировано более 500 православных монастырей, еще приблизительно 150 обителей должны были существовать

⁵ Екатерина II (урожденная София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская) была дочерью прусского генерала князя Христиана Августа и княгини Иоганны Елизаветы, урожденной принцессы Шлезвиг-Гольштинской.

⁶ ПСЗ-I. Т.16. №12059.

⁷ ПСЗ-I. Т.16. №12060.

на приношения верующих и за счет маленьких участков ненаселенной земли, обрабатываемых руками иноков или нанятых работников [6, с.902].

Уже в первые годы царствования Екатерины II появились законы, демонстрирующие лояльность государства к представителям разных конфессий. Так, в декабре 1762 г. раскольникам, бежавшим за границу, было разрешено возвратиться в Россию [11, с.391]. 9 июня 1763 г. состоялся сенатский указ «О дозволении в Астрахани армянам и другим, кто пожелает, по их законам во всех местах строения церквей» [6, с.973–974]. 22 июля 1763 г. был опубликован манифест, обещавший иностранцам, переселившимся из Европы в Россию, полную духовную свободу⁸. 25 февраля 1764 г. Екатерина II подписала указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания», который гарантировал последователям этого религиозного течения беспрепятственное отправление своей «веры и закона»⁹.

В этих условиях ликвидация Новокрещенской конторы представляется логичным шагом, органично вписавшимся в общий курс правительства на либерализацию духовной жизни. Становится понятным и отсутствие реакции православного духовенства на уменьшение поддержки миссионерам со стороны государства, – у него появились более насущные заботы.

Последствием издания указа от 6 апреля 1764 г. стали ходатайства татарского населения об отмене ограничений на религиозной почве. В частности, татары Сеитовой слободы под Оренбургом просили власти снять запрет на наем работников из числа русских людей, а также «крещеных черемисов, мордвы, вотяков и чувашей». Свою просьбу они аргументировали недостатком рабочих рук, создававшим препятствия для хлебопашества. Взамен татары обещали содействовать работникам в выполнении предписаний православной веры (кормить постной пищей в посты и постные дни, отпускать в воскресные и праздничные дни в церкви, располагавшиеся в Бердской слободе и Сакмарском казачьем городке, и пр.). Обязательства предполагалось оформлять в письменном виде в момент найма работников, с уведомлением о совершенных сделках православных священников [15, с.221–222].

Указ от 6 апреля 1764 г. имел значительные последствия для новокрещеных татар, которых уравнивали с мусульманами в отношении налогообложения и повинностей, включая рекрутскую. Скрываясь от рекрутских наборов, новокрещенные массово уходили на уральские и сибирские заводы, где умышлено набирали в долг у их владельцев в расчете, что до выплаты будут избавлены от воинской службы. Другим направлением миграции стала Оренбургская губерния, где выходцы из Поволжья стремились приписаться к сельским обществам, освобожденным от поставки рекрутов. На пресечение их бегства был направлен сенатский указ от 10 сентября 1773 г.¹⁰

Курс на сокращение привилегий новокрещеных прослеживается и в высочайше утвержденном докладе Сената от 5 января 1766 г.¹¹ Он отменил ука-

⁸ ПСЗ-И. Т.16. №11180.

⁹ ПСЗ-И. Т.16. №12057.

¹⁰ ПСЗ-И. Т.19. №14037.

¹¹ ПСЗ-И. Т.17. №12542.

зы 1715, 1718, 1726 и 1730 гг., регламентировавшие порядок возврата крестившимся татарским мурзам и их потомкам поместий, конфискованных по указу Петра I от 3 ноября 1713 г.¹² К 1760-м гг. все эти законодательные акты превратились в анахронизм, поскольку изъятые в 1710-е гг. поместья давно обрели новых владельцев. Тем не менее, выход данного указа дополняет общую картину изменений в духовной сфере.

Указ от 6 апреля 1764 г. обозначил материальные составляющие политики веротерпимости. При издании закона Екатерина II руководствовалась преимущественно рациональными мотивами, поскольку идеологическая составляющая нового курса еще не оформилась. Убежденным сторонником религиозной толерантности императрица становится во второй половине 1760-х гг. под влиянием трудов французских просветителей, а также практического знакомства с нерусскими народами Российской империи. В мае-июне 1767 г., в период подготовки к созыву Уложенной комиссии 1767–1768 гг., Екатерина совершила путешествие по Волге, во время которого собственными глазами увидела этническое многообразие страны. Во время посещения Казани (26 мая – 1 июня) и встреч с татарским населением она убедилась, что ислам – реальная российская жизнь, которую не нужно искоренять, а признать как данность. Следствием этого признания стало разрешение на строительство в городе двух каменных мечетей. Во время остановки в Булгаре 2 июня императрица запретила растаскивать камни с татарских могил, а также использовать остатки мусульманских зданий при возведении православных церквей [8, с.10].

Впечатления от поездки по поволжским губерниям были учтены в статьях Наказа, данного 30 июля 1767 г. Уложенной комиссией¹³. Содержание документа охватывает практически все вопросы государственного и общественного устройства, судопроизводства, законотворчества, положения сословий, воспитания юношества, охраны порядка и благочиния в стране [6, с.14]. Наказ не стал официальным законом, однако его влияние на последующее законодательство было значительным, поскольку это была программа, которую императрица намеревалась воплотить в жизнь. В статьях 494–496 Наказа были сформулированы базовые принципы новой религиозной политики, которую можно определить как «разумная веротерпимость»¹⁴. Содержание ста-

¹² ПСЗ-I. Т.5. №2734.

¹³ ПСЗ-I. Т.18. №12949.

¹⁴ «Ст. 494. В том великом государстве, распространяющем свое владение над (с)толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или не дозволение их различных вер;

Ст. 495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду;

Ст. 496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утешая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» (ПСЗ-I. Т.18. №12949).

тей, при всей витиеватости их формулировок, обнажает истинные мотивы императрицы – заботу о безопасности империи и существующего строя.

Дальнейшие действия Екатерины II демонстрируют воплощение в жизнь провозглашенных деклараций. 20 августа 1769 г. состоялся именной указ сибирскому губернатору Чичерину, наделивший его правом выдавать разрешения на строительство мечетей в Сибирской губернии¹⁵. 17 июня 1773 г. вышел упомянутый указ Святейшего Синода о веротерпимости, провозглашавший: «Как Всевышний Бог терпит на земли все веры, языки и исповедания, то и Ее величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало»¹⁶. В тексте указа имеются ссылки на статьи 494–496 Наказа 1767 г., поэтому его приоритет как источника последующих законодательных норм не вызывает сомнений. В то же время указ 1773 г., в отличие от Наказа, оставшегося декларацией, имел обязательный характер. Хотя формально он являлся указом Синода, однако готовился в Правительствующем Сенате. Статус закона документ получил после состоявшейся 29 мая 1773 г. резолюции Екатерины II на доклад генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского.¹⁷ Правовая сторона указа заключалась в отстранении Русской православной церкви от вмешательства в дела мусульман и предоставлении губернаторам всей полноты власти в этой сфере¹⁸. Следует отметить, что данный законодательный акт вышел до начала Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, а не является реакцией на нее, как иногда ошибочно считают. То есть инициатива принятия указа 1773 г. о веротерпимости исходила «сверху», от верховной власти, а не являлась результатом давления народных масс.

Смена идеологических установок сказалась и на позиции властей в отношении мусульманского духовенства. Долгое время последнее являлось источником оппозиционных настроений в татарском обществе. Провал кампании 1740–1750-х гг. в отношении татар был во многом обусловлен противодействием со стороны мусульманских духовных лиц, оказывавших значительное влияние на соплеменников. Во время посещения Екатериной II Казани 30 мая 1767 г. губернатор А.Н. Квашнин-Самарин представил ей «старой слободы абызы татары и их жены» [7, с.115]. В ходе этой встречи произошло признание верховной властью реального статуса неофициального мусульманского духовенства и той роли, которую оно играло в жизни татарской общины. Как следствие этого пришло осознание необходимости сотрудничества с ним.

Достижение лояльности татарских мулл становится одной из задач второй половины царствования Екатерины II. Императрица стремилась прибли-

¹⁵ ПСЗ-I. Т.18. №13336.

¹⁶ ПСЗ-I. Т.19. №13996.

¹⁷ ПСЗ-I. Т.19. №13996.

¹⁸ Православным архиереям предписывалось «в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все в рассмотрение светских команд» (ПСЗ-I. Т.19. №13996).

зять их к власти, в том числе через привлечение на государственную службу. Из 17 законодательных актов 1780–1790-х гг., представленных в Полном собрании законов и касающихся ислама, в 13 рассматриваются вопросы, связанные с назначением на должности, деятельностью, обязанностями и привилегиями мусульманских духовных лиц.

Важную роль в реализации этих планов сыграл именной указ от 28 января 1783 г. «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов»¹⁹. Целью указа являлось пресечение практики приглашения мулл из среднеазиатских государств, распространенной среди поволжских татар. Принятие закона устраняло внешнее влияние на приверженцев ислама в России, а также позволяло выдвигать на духовные посты верных людей.

Следующим шагом в данном направлении стало подписание Екатериной II 22 сентября 1788 г. указа об учреждении в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)²⁰. С его созданием царская администрация приобрела полный контроль над назначением мусульманских священнослужителей. Когда в том или ином приходе появлялась вакансия муллы, претенденты на место вначале испытывались на «благонадежность», после чего их кандидатуры утверждались генерал-губернатором.

Власть ОМДС распространялась на мусульманское духовенство всей империи, за исключением Крыма. Структура учреждения во многом походила на другие бюрократические учреждения, а само оно было приравнено «...к средним судебным местам»²¹. На содержание секретаря, канцелярских и прочих служителей собранию ежегодно выделялось 900 рублей²². Муллы, заседавшие в ОМДС, сменяли друг друга каждые три года. Наиболее существенным отличием собрания от других ведомств было освобождение от присутствия в пятничные дни, установленное именным указом от 15 июня 1792 г.²³

Установление контроля над мусульманским духовенством преследовало и внешнеполитические цели. С начала 1780-х гг. для продвижения в Казахские степи русское правительство использовало ислам. Православная церковь не могла рассчитывать на успех среди местных племен, поэтому мусульманскому влиянию со стороны среднеазиатских ханств была противопоставлена его российская версия. Активизация восточного вектора внешней политики России хорошо прослеживается по материалам законодательства. В Полном собрании законов среди указов 1780–1790-х гг. нет ни одного документа, отражающего религиозную ситуацию в Поволжье. Большинство законов, касавшихся мусульман, было адресовано должностным лицам Оренбурга, Уфы и других территорий, граничавших с Казахстаном.

Качественные изменения претерпело и содержание законодательных актов, что демонстрирует ситуация с возведением мусульманских культовых

¹⁹ ПСЗ-И. Т.21. №15653.

²⁰ ПСЗ-И. Т.22. №16710. Официальное открытие Духовного собрания состоялось 4 декабря 1789 г.

²¹ Сенатский указ от 17 августа 1793 (ПСЗ-И. Т.23. №17146).

²² ПСЗ-И. Т.23. №16759.

²³ ПСЗ-И. Т.23. №17053.

зданий. В Поволжье их сооружению препятствовали законодательные и административные барьеры. В Приуралье же местным властям **вменялось в обязанность** изыскивать способы к ускоренному строительству мечетей. В 1782–1786 гг. вышли 4 подобных указа²⁴, вследствие которых были построены мечети в Оренбурге и Троицке.

Таким образом, сдерживая развитие ислама во внутренних губерниях, самодержавие одновременно содействовало его пропаганде в «азиатских» областях. Мусульманскую религию Екатерина II рассматривала как способ привлечения кочевых народов в российское подданство, а также удержания их в повиновении. Возведение культовых зданий являлось важным звеном в реализации этих замыслов²⁵.

Те же цели преследовала отправка в Степь верных правительству мулл. Как правило, в этой роли выступали казанские татары²⁶. Помимо духовных функций они выполняли разведывательные поручения. Часть татарских мулл постоянно проживала в Средней Азии под видом повышения квалификации в местных медресе. Другие под прикрытием торговой деятельности регулярно посещали среднеазиатские государства, собирая и доставляя на родину необходимые сведения [1, с.29]. Умения и навыки татарских духовных лиц были востребованы и в других регионах империи. В частности, по именному указу 28 февраля 1792 г. они привлекались для распространения ислама среди кабардинцев и строительства мечетей на Северном Кавказе²⁷. Помимо выходцев из Поволжья и Приуралья, к миссионерской деятельности на юго-восточных рубежах империи привлекались муллы из числа тобольских служилых татар. Уже в первой половине 1780-х гг. они находились на государственном жалованье²⁸.

Приведенные факты демонстрируют прагматизм Екатерины II и ее умение ставить интересы государства выше религиозных предпочтений. Об этом говорят и другие начинания императрицы. 27 августа 1784 г. она учредила особую типографию для печатания документов на арабском, турецком, татарском, персидском, грузинском и греческом языках²⁹. Типография обслуживал нужды Кабинета министров и Коллегии иностранных дел, однако именно здесь в 1787 г. было осуществлено первое в России издание Корана. Книгу напечатали за казенный счет, что также имело рациональное обоснование. По свидетельству А.Г. Каримуллина, это позволило на время отвести просьбы татар о заведении собственного книгопечатания. Кроме того, изда-

²⁴ ПСЗ-I. Т.21. №15352; Т.22. №15991, №16255, №16400.

²⁵ В указе от 4 сентября 1785 г. уфимскому генерал-губернатору О.А. Игель-строму Екатерина II выражала уверенность, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим; сие и может послужить со временем к воздержанию их от своевольства лучше всяких строгих мер» (ПСЗ-I. Т.22. №16255).

²⁶ См. именные указы от 27 ноября 1785 г. и 21 апреля 1787 г. (ПСЗ-I. Т.22. №16292, №16534).

²⁷ ПСЗ-I. Т.23. №17025.

²⁸ ПСЗ-I. Т.22. №16014.

²⁹ ПСЗ-I. Т.22. №16048.

ние Корана использовалось в политических целях. Во время войны с турками оно преподносилось как покровительство властей российским мусульманам. Немаловажным фактором являлась финансовая сторона дела. Печатные экземпляры Корана рассылались в уездные земские суды, где осуществлялась их продажа, приносившая ощутимую выгоду казне [12, с.98].

Выбор мест распространения не был случайным. Жизнь мусульманина строилась по законам шариата и где, как не в государственных судебных органах, в которых судились и татары, надлежало продавать священную книгу мусульман. Власть, с одной стороны, демонстрировала уважение к мусульманскому сообществу, с другой – извлекала из этого прибыль. Деньги за реализованные экземпляры Корана поступали в уездные казначейства. В царствование Екатерины II он переиздавался в 1790, 1793 и 1796 гг. [13, с.138]. Ревизия счетов Казанской казенной палаты в 1800 г. показала доход по данной статье на сумму 617 руб. 10 коп. [10, с.248].

Придание исламу статуса терпимой конфессии повлекло изменения в других сферах жизни татарского общества. В частности, ушли в прошлое правовые ограничения и социальные барьеры, установленные для мусульман. 22 февраля 1784 г. Екатерина II подписала указ «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства»³⁰. Документ давал право на утверждения в «благородном» звании тем представителям татарской феодальной знати, чьи предки утратили высокий социальный статус в период реформ Петра I. В действительности, однако, возможности реализовать это право в условиях существующей административно-правовой системы были ограничены.

Возведение в потомственное дворянство предоставляло существенные привилегии. Помимо выхода из податного состояния, освобождения от рекрутской повинности и телесных наказаний, у лиц, утвержденных в дворянском звании, появилась возможность поступать на государственную службу, а у их детей – получить светское образование [18, с.83–101]. Вместе с тем указ 1784 г. не принес татарским князьям и мурзам полного равенства с русскими дворянами. Они были лишены права «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания», что составляло главную привилегию дворянского сословия³¹. Кроме того, «благородное» происхождение требовалось подтвердить подлинными юридическими документами (жалованными грамотами на поместья, кабаки, рыбные ловли и т.д.). Не всем родовитым татарам удалось это сделать, а тем, кто смог, – добиться утверждения в дворянском звании. К концу правления Екатерины II в родословные книги были внесены, по разным оценкам, от 4811 до 5646 человек, представлявших 177 знатных татарских родов [18, с.90].

Тем не менее, значение указа 1784 г. трудно переоценить. Он демонстрировал бывшей татарской служилой элите покровительство верховной власти. Аналогичный посыл содержался в именном указе от 1 ноября 1783 г. генерал-фельдмаршалу Г.А. Потёмкину. Этот законодательный акт разрешил принимать на военную службу и награждать офицерскими чинами «татарских мурз

³⁰ ПСЗ-I. Т.22. №15936.

³¹ ПСЗ-I. Т.22. №15936.

и чиновных людей»³². Потёмкин мог присваивать звания не выше премьер-майора³³, награждение более высокими чинами являлось прерогативой Екатерины II³⁴. Хотя указ был адресован крымским татарам, их поволжские собратья также получили возможность через военную карьеру повысить свой социальный статус [18, с.90].

Несмотря на позитивные изменения в жизни мусульман, не следует идеализировать процессы, протекавшие в 60–90-е гг. XVIII в. Приобретение исламом статуса терпимой религии, расширение его влияния в отдельных регионах, отвечало стратегическим интересам самодержавия. Пропаганда мусульманского вероучения допускалась лишь на окраинах империи, в отношении тех народов, которые еще не пришли в российское подданство или могли в любой момент его покинуть. Указы о строительстве мечетей носили локально-территориальный характер. Мусульманско-татарское духовенство утратило остатки былой независимости и полностью попало под контроль государственных органов.

Придание исламу статуса терпимой религии не означало отказа государства от поддержки православной церкви. Она, как и прежде, господствовала в духовной сфере. 2 августа 1770 г. вышел указ Сената, запретивший переселение новокрещенных из мест совместного с мусульманами проживания³⁵. В ответ на просьбы об отселении православных соседей Сенат распорядился селить новокрещенных особыми слободами в пределах одного населенного пункта. Тем самым мусульмане лишались прав на строительство мечетей, поскольку закон запрещал их возведение в смешанных по конфессиональному составу селениях. Их жители по духовным нуждам должны были выезжать в деревни, «где есть мечети»³⁶. Кроме того, продолжали действовать запреты на строительство мечетей в селениях с менее 200 душами м.п. [14, с.111–112, 118].

Незыблемой осталась и монополия православной церкви на миссионерскую деятельность. Изменились лишь формы ее проведения. Христианскую проповедь на местах по сенатскому указу от 6 апреля 1764 г. должны были осуществлять специально назначенные проповедники³⁷. Отступление от православия при Екатерине II преследовалось не менее сурово, чем при ее предшественниках. 1 мая 1775 г. состоялся указ «О донесении Сенату из всех присутственных мест по делам об отвращения людей от православной веры»³⁸. Мусульманам, уличенным в подобных деяниях, в соответствии с Соборным уложением 1649 г. и «Наказом» губернаторам 1728 г., грозила смертная казнь через сожжение на костре. Губернские, провинциальные и городовые канцелярии обязали выявлять «совратителей» и предоставлять

³² ПСЗ-I. Т.21. №15861.

³³ Премьер-майор – офицерский чин в русской армии XVIII в., соответствовавший подполковнику.

³⁴ ПСЗ-I. Т.21. №15861.

³⁵ ПСЗ-I. Т.19. №13490.

³⁶ ПСЗ-I. Т.19. №13490.

³⁷ ПСЗ-I. Т.16. №12126.

³⁸ ПСЗ-I. Т.20. №14313.

сведения о них в Санкт-Петербург³⁹. Интересы господствующего вероисповедания отстаивал и Устав благочиния 1782 г.⁴⁰ Закон запрещал поношение христианских символов (Иисуса Христа, Девы Марии, святых угодников и др.), споры против православия, совращение православных в иные вероисповедания и другие проступки, рассматриваемые законодателями как покушение на основы господствующей религии⁴¹.

При Екатерине II сохранилась практика стимулирования иноверцев к крещению. Ключевым элементом этой системы являлось освобождение на три года от податей и повинностей. Особо поощрялись иностранцы, принявшие православие. В награду за крещение именной указ от 20 апреля 1770 г. предоставлял пленным туркам и крымским татарам личную свободу и право самостоятельно выбрать «род жизни». Сверх этого, им полагалось выдать «за крест из сиротской суммы по 3 рубли»⁴².

Приведенные факты показывают, что смягчение отношения к исламу и мусульманам в царствование Екатерины II не поколебало доминирующее положение православной церкви. В религиозной политике устранили перегибы, угрожавшие безопасности существующего строя, подрывавшие благосостояние татар-мусульман как налогоплательщиков. Вплоть до 1917 г. ислам в России развивался в рамках ограничений, установленных государством.

В заключение отметим, что правление Екатерины II не было безоблачным для татар. Свидетельство тому – большие потери татарского населения во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. Количество убитых, повешенных, отправленных на каторгу, подвергнутых телесным наказаниям татар исчислялось многими сотнями [2]. Вместе с тем именно Екатерине, единственной из русских самодержцев, татарский народ дал позитивное прозвище «Аби-патша»⁴³. Одним из факторов, обусловивших подобное отношение к императрице, являлось переформатирование государственно-исламских отношений, в котором важную роль сыграл указ от 17 июня 1773 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. 199 с.
2. *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 215 с.
3. *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.
4. *Загидуллин И.К.* Превращение ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское мно-

³⁹ ПСЗ-И. Т.20. №14313.

⁴⁰ Устав благочиния 1782 г. регламентировал правовой статус полицейских органов, их систему и основные направления деятельности.

⁴¹ ПСЗ-И. Т.21. №15379.

⁴² ПСЗ-И. Т.19. №13450.

⁴³ Букв. «Бабушка-царица».

гообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.) / отв. ред. И.Р. Миннуллин. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С.103–109.

5. *Загидуллин И.К.* Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.3–11.

6. Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. М., 2000. Т.1. В двух томах / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 2000. 1056 с.

7. *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань: Казанский государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 254 с.

8. *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и «многонародный» регион Среднего Поволжья: опыт формирования имперской политики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.). Казань, 2010. С.3–13.

9. *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 214 с.

10. История Татарии в материалах и документах. М.: Гос. социально-экон. изд-во, 1937. 503 с.

11. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.

12. *Каримуллин А.Г.* У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX века. 2-е изд., испр. и перераб. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 206 с.

13. *Крымский А.* История мусульманства. Ч.1–2. М.: Типография В.Гатцук, 1904. 385 с.

14. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.

15. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1915. Т.147. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. 1915. 402 с.

16. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 799 с.

17. *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. 448 с.

18. *Хайрутдинов Р.* Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. С.83–101.

Информация об авторе:

Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Поступила 09.10.2023

Принята к публикации 23.10.2023

Legislation of Catherine II on Islam and Muslims (to the 250th anniversary of the publication of the decree of 1773 on religious tolerance)

A.I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is timed to a landmark event in the history of state-Islamic relations in Russia – the 250th anniversary of the decree of 1773 on religious tolerance. The author reveals the prerequisites of this legislative act, the chronology of legal decisions preceding it. The role of Catherine II in the formation of the policy of religious tolerance, which affected all religions on the territory of the Russian Empire, is shown. Special attention is paid to the changes in the life of the Volga Tatars, which occurred as a result of Islam acquiring the status of a tolerant religion.

Keywords: Catherine II, Islam, Muslims, Russian legislation, Decree of 1773 on religious tolerance, Volga region, Tatars

For citation: Nogmanov A.I. Legislation of Catherine II on Islam and Muslims (to the 250th anniversary of the publication of the decree of 1773 on religious tolerance). *From History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region*. 2023. T.13, no 4, pp.35–48. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.35-48> (In Russian).

REFERENCES

1. Azamatov D.D. *Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem Publ., 1996. 199 p. (In Russian)
2. Alishev S.H. *Tatars of the Middle Volga region in the Pugachev uprising*. Kazan: Tatar book Publ., 1973. 215 p. (In Russian)
3. Arapov D.Y. *Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)*. Moscow: Academkniga Publ., 2001. 367 p. (In Russian)
4. Zagidullin I.K. Transformation of Islam into a "tolerant" religion in Russia during the reign of Catherine II. *Second Kremlin Readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Catherine II and Imperial Diversity of Russia: Experience of Political and Cultural Interaction" (Kazan, 25–26 September 2009)*. Executive editor I.R. Minnullin. Kazan: Fen Publ., 2010. Pp.103–109. (In Russian)
5. Zagidullin I.K. Preface. *Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the 18th – early 20th centuries: materials of the scientific seminar of the same name, devoted to the 220th anniversary of the establishment of the religious administration of Muslims of internal Russia and Siberia (Kazan, December 18, 2009)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp.3–11. (In Russian)
6. *Legislation of Catherine II*. In 2 vol. Ed. by O.I. Chistoyakov, T.E. Novitskaya. Vol.1. Moscow: Legal literature Publ., 2000. 1056 p. (In Russian)

7. Ibneeva G.V. *Travel of Catherine II: the experience of "development" of imperial space*. Kazan: Kazan State University Publ., 2006. 254 p. (In Russian)
8. Ibneeva G.V. Catherine II and "multinational" Middle Volga region: experience in the formation of imperial policy. *Materials of the All-Russian scientific-practical conference "Catherine II and Imperial Diversity of Russia: experience of political and cultural interaction"* (Kazan, 25–26 September 2009). Kazan, 2010. Pp.3–13. (In Russian)
9. Islaev F.G. *Islam and Orthodoxy in the Volga region of the 18th century: from confrontation to tolerance*. Kazan: Kazan University Publ., 2001. 214 p. (In Russian)
10. *History of Tataria in materials and documents*. Moscow: State socio-economic Publ., 1937. 503 p. (In Russian)
11. Kamensky A.B. *From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in 18th century. Experience of holistic analysis*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 575 p. (In Russian)
12. Karimullin A.G. *At the origins of the Tatar book. From the beginning to the 60s of the 19th century*. 2nd edition, corrected and enlarged. Kazan: Tatar book Publ., 1992. 206 p. (In Russian)
13. Krymsky A. *History of Islam*. Part 1–2. Moscow: V.Gattsuk Publ., 1904. 385 p. (In Russian)
14. Nogmanov A.I. *Autocracy and Tatars. Sketches of the history of legislative policy of the second half of the 16th – 18th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 215 p. (In Russian)
15. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.147. Materials of the Catherine Legislative Commission. St. Petersburg, 1915. 402 p. (In Russian)
16. Smolich I.K. *History of the Russian Church. 1700–1917*. Moscow: Spaso-Preobrazhensky Monastery Publ., 1996. 799 p. (In Russian)
17. Firsov N.A. *Inorodichesky population of the former Kazan kingdom in New Russia until 1762 and colonization of the Trans-Kama lands at this time*. Kazan, 1869. 448 p. (In Russian)
18. Khayruddinov R. Tatar feudal nobility and Russian nobility: problems of integration at the turn of the 18th – 19th centuries. *Islam in the Tatar world: history and modernity (materials of the international symposium, Kazan, April 29 – May 1, 1996)*. Kazan, 1997. Pp.83–101. (In Russian)

About the author:

Nogmanov Aydar Ilsurovich – Cand. of Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Received October 9, 2023

Accepted for publication October 23, 2023